

ПОНЯТИЕ РИСКА

Niklas Luhmann. Der Begriff Risiko. In: N.Luhmann. Soziologie des Risikos. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1991, S.9–40.

© Walter de Gruyter Co., 1991

Перевод к.ф.н. А.Ф.Филиппова

I

Сегодня о риске говорят специалисты самых разных дисциплин. К традиционной статистической трактовке калькуляций риска добавились экономические исследования, начало которым было положено гениальным проектом Фрэнка Найта (Knight, 1921; см. также Найт, 1994). В экономических работах с самого начала речь шла о том, как обосновать предпринимательскую прибыль функцией поглощения риска. Правда, эта мысль была не нова; ее можно найти уже у Фихте в связи с землевладением и сословной дифференциацией. Однако в контексте современной экономической науки благодаря этой идее появилась возможность удачно сочетать макро- и микроэкономические теории. Но введенное Найтом различие риска и неопределенности превратилось прямо-таки в догму. Любые новации влекут за собой упреки в неправильном употреблении понятия "риск". Однако ведь другие дисциплины вовсе не имеют дела с проблемой обоснования предпринимательской прибыли, а также с различием и взаимосвязью теорий рынка и теорий предприятия. Так почему они должны обращаться к этому источнику?

Кроме статистических подходов, имеются концепции, основанные на теории решений и теории игр. Здесь – свои проблемы, свои споры: например, о том, насколько могут быть осмысленно субъективированы ожидания и предпочтения. Психологи и социальные психологи продвигались, так сказать, во встречном направлении. Они установили: на самом деле люди калькулируют совсем не так, как следует поступать, чтобы статистики приписали им "рациональность". Они допускают "ошибки", сказали бы одни. Они действуют подходящим для повседневности образом, говорят другие. Во всяком случае, вполне очевидно, что отклонения [от рациональности] структурированы, у них есть [определенная] тенденция. А тем временем пропасть между дисциплинами становится все глубже и шире, они расходятся, как континенты. Известно ведь, что домохозяйки в супермаркетах и уличные дети в Бразилии умеют весьма успешно калькулировать – но не так, как их научили (или не научили) в школе (Carragher et al., 1985; 1988; Lave, 1986; 1988). Известно, что значения (Werte) могут быть квантифицированы, так что потом первоначальное значение уже никто не сможет выяснить (см., в частности: Ashby, 1978), – ни частные лица, которые либо неспособны к этому, либо не дают себе труда сделать это, ни кто-либо еще. Там, где рациональность относится к набо-

ру обязательных ролевых предписаний и где ожидается особая осмотрительность и ответственность в обращении с риском, даже в менеджменте организаций, никто не производит количественных калькуляций риска; во всяком случае, это происходит не так, как предусматривает конвенциональная теория принятия решений (см. March and Shapira, 1987). Но тогда какой же смысл в теориях риска, понятия которого связаны с количественной калькуляцией? Может быть, все дело только в том, чтобы задать (как в некоторых теориях морали) какой-то идеал, позволяющий каждому увидеть свое (к счастью, и других людей тоже) несоответствие требованиям [рациональности]? На карту поставлено (во всяком случае, это важно для науки) использование количества и его практическая релевантность.

Сегодня очевидно, что, даже оставаясь в рамках этой модели количественной калькуляции риска, которая, в общем, ориентируется на субъективные ожидания полезности, кое-что необходимо существенно изменить. Назовем эту поправку *порогом катастрофы*. С результатами калькуляции риска соглашаются тогда и только тогда, когда они не подходят к порогу, за которым несчастье (сколь бы невероятным оно ни являлось) было бы воспринято как катастрофа. Поэтому сельское хозяйство, работающее на выживание, весьма нерасположено к риску, ибо ему постоянно угрожают голод, потеря семенного фонда, невозможность продолжить производство (обзор см. в Cashdan, 1990; см. также: Johnson, 1971; Roumasset, 1976; Roumasset et al., 1979; Dillon and Scandizzo, 1978). Сходные условия обнаруживаются и в денежном хозяйстве: предприниматели, которые должны считаться с проблемами ликвидности, менее готовы к риску, чем те, для которых при данной величине риска эта проблема несущественна (Lorange and Norman, 1973). Видимо, надо принять во внимание и то, что порог катастрофы весьма по-разному определяет тот, кто принимает решения, и тот, кого эти рискованные решения затрагивают (см. Luhmann, 1991, К.6). Так что вряд ли даже в специфических ситуациях есть шанс на согласие относительно таких калькуляций.

Но и это еще не все. Проблему риска, между тем, открыли и социальные науки – но только, так сказать, не в своем огороде, а в соседском, и то лишь потому, что он был недостаточно ухожен. Культур-антропологи, социальные антропологи, политологи с полным правом указывают, что оценка риска и готовность принять риск – это проблема не только ментальная [psychische], но прежде всего социальная. Поведение в этих случаях соответствует либо ожиданиям относительно [поведения] релевантных референтных групп, либо [характеру] социализации (независимо от того, была ли она такой, какой принято считать, или совершенно иной)¹. Эта позиция (хотя поначалу речь идет лишь о теоретическом споре) основана на том, что социальные науки лучше ощущают масштабы проблемы риска, ибо видят здесь

¹ См. в этой связи дискуссионное сочинение: Douglas and Wildavsky, 1982; Douglas, 1985. См. также: Johnson and Covello, 1987; Clarke, 1988 (здесь акцентированы интересы организации и их влияние [на выбор]); Lau, 1989 (здесь подчеркивается различие перспектив: одни заинтересованы [в решениях], других [эти решения] непосредственно касаются; Вилдавски и Дейк, 1994.

прежде всего технологические и экологические проблемы современного общества. Поэтому на передний план выходит вопрос, кто принимает решение или что оказывается решающим в вопросе о том, учитывать риск *или нет*, а [если да, то] в каких временных или предметных горизонтах*. В дополнение к уже достаточно распространенным дискуссиям об исчислении риска, восприятии риска, оценке риска и согласии на риск теперь добавляется еще вопрос об *отборе* риска: какой-то риск учитывается, а какой-то нет. А исследование, специфичное именно для данной дисциплины, может обнаружить, что это не вопрос случая, но что этим отбором управляют такие-то и такие-то социальные факторы.

Однако такого рода исследования все еще предполагают, что исходным пунктом остается индивид. Они модифицируют результаты психологического исследования. Допустим, один из результатов таков: в обыденных контекстах индивиды, как правило, недооценивают риск – например, потому, что дела до сих пор шли хорошо, и применительно к еще не испытанным ситуациям они переоценивают свои собственные возможности контроля и недооценивают размер [возможного] ущерба. Но тогда можно задать вопрос: какой же должна быть коммуникация, в намерение которой входит повысить сознание риска²? Несомненно, обращение к социальным контекстам и операциям необходимым образом дополняет психологические интуиции, а также, конечно, позволяет убедительно объяснить те случаи, когда индивиды поразному реагируют в разных социальных ситуациях. Но если знание [социальной обусловленности поведения] становится все более полным, то в какой-то момент приходится, наконец, спросить, можно ли и дальше вменять все личным решениям (будь то рациональным, интуитивным, привычным и т.п.)? И не следовало бы, независимо от этого, попытаться реализовать строго социологический подход, состоящий в постижении феномена риска лишь соответственно смыслу коммуникаций – включая, конечно, и сообщение в коммуникации об индивидуально принятых решениях.

* Луман различает три смысловых измерения: предметное (вещь отлична от другой вещи), временное (один момент времени не тождествен другому) и социальное (мнение одного участника взаимодействия отлично от мнения другого). В работах 70-х годов терминология Лумана несла на себе заметный отпечаток феноменологии. Сохранилось от этого немногое, в том числе категория смысла и термин "горизонт". – *Прим. ред.*

² Существуют исследования этой проблемы, например в области предупреждения о риске при рекламе продуктов (см. хотя бы Viscusi and Magat, 1987). Сюда же относятся и многочисленные попытки повлиять на сексуальное поведение в связи с риском СПИДа. В общем, можно предположить, что политика информирования здесь более перспективна, чем [познаваемые в коммуникации] явные воспитательные намерения. Ср.: Douglas, 1985, p.31ff., где содержится также ряд других примеров. Информация, как таковая, в известной мере подтверждает для индивида его представление о себе самом и оставляет на его долю решение, в то время как все, выходящее за рамки простой информации и тем не менее адресованное индивиду, действует "патерналистски" и требует от него проявлять инициативу вопреки его собственным склонностям.

Не занимая столь радикальной позиции, социология, в конечном счете, тоже обратила внимание на проблему риска; по крайней мере, она стала пользоваться словом "риск". Здесь, после того как антикапиталистическая предубежденность потеряла свое значение, социология опять обретает возможность наполнить новым содержанием свою старую роль: она бьет в обществе тревогу (см. Векс, 1986; см. также Бек, 1994). В настоящее время это происходит скорее неотрефлексированно; я имею в виду, что социология не рефлексивирует свою роль. Ибо если она уже знает, что риски подвергаются отбору, то *почему и как она сама тогда делает это?* Теоретическая рефлексия удовлетворительно уровня должна была бы распознать, по меньшей мере, "аутологическую" компоненту, которая выступает всегда, когда наблюдатели наблюдают наблюдателей*. Добытое социологией знание о социальной обусловленности всякого переживания и действия, *mutatis mutandis* относится и к ней самой. Она не может наблюдать общество извне, она оперирует в обществе; *и именно она-то и должна была бы это знать*. Она может посвятить себя модным темам, поддерживать движения протеста, описывать опасности современной технологии и способы их измерения или предостеречь против необратимого ущерба, наносимого окружающей среде. Но то же самое делают и другие. Социология должна была бы добавить сюда теорию селективности всех общественных операций, включая и наблюдение этих операций и даже те структуры, которые детерминируют эти операции. Тогда с точки зрения социологии (но это опять-таки специфика именно данной дисциплины) тема "риск" относилась бы к теории современного общества и несла бы на себе отпечаток ее понятийного аппарата. Но такой теории не существует, а классические традиции, на которые до сих пор ориентируется множество теоретиков социологии, дают мало точек опоры для таких тем, как "экология", "технология", "риск", не говоря уже о проблемах самореференции.

Мы не можем здесь останавливаться на общих трудностях междисциплинарного исследования. Есть совместная работа на уровне проектов, а есть области исследований, которые можно обозначить как "трансдисциплинарные" отрасли знания, например кибернетика и теория систем. Исследования риска представляют собой, видимо, еще одну такую область. Прежде всего, впечатляют, конечно, негативные последствия участия в них множества дисциплин и отраслей науки. В результате нет такого понятия риска, которое могло бы отвечать научным притязаниям. Совершенно очевидно, что для каждой отрасли знания ее собственный теоретический контекст вполне достаточен, чтобы выдавать руководящие указания. Поэтому даже на уровне отдельных отраслей знания, а тем более в процессе совместной междисциплинарной работы порой возникают сомнения, известно ли вообще, о чем идет речь. Конечно, уже по причинам теоретико-познавательного свойства нельзя исходить из того, что некие фактические обстоятель-

* Термин "аутологический", который Луман использует не всегда строго, означает совпадение характеризующего и характеризуемого. Скажем, слово "трехсложный" – само трехсложное. Социология, изучающая социальную обусловленность всех явлений, сама социально обусловлена. – *Прим. ред.*

ства суть риск, и надо только обнародовать их и исследовать. То, о чем говорится, конституируется понятиями³. Сам по себе внешний мир не знает никакого риска, ибо ему неведомы ни различения, ни ожидания, ни оценки, ни вероятности – *разве что собственные результаты наблюдающих систем в окружающем мире других систем.*

Если пытаешься определить понятие риска, то впечатление такое, будто заехал в густой туман, где видимость не дальше бампера машины. Даже в основополагающих работах проблема никогда не постигается должным образом⁴. Часто понятие риска определяется как "мера"⁵; но если речь идет лишь о проблеме измерения, то совершенно нельзя понять, зачем с ней так носиться. Проблемы измерения – это проблемы конвенциональные, и, во всяком случае, риск измерения (т.е. ошибка измерения) – это нечто иное, чем то, что измеряется как риск. Примеры такого рода могут быть умножены, прежде всего, что парадоксально, для естественных наук; ибо здесь явным образом имеет силу предпосылка, согласно которой точность должна быть выражена в форме вычисления, а использование обыденного языка соответственно может быть небрежным.

В общем, правильно, конечно, что дефинициям не надо уделять слишком много внимания, ибо они служат только отграничению предмета, но не его адекватному описанию (не говоря уже об объяснении). И все-таки нельзя вообще начать исследование, если даже не ясно, о каком предмете должна идти речь. А социолог, с полным на то правом или нет, может предполагать, что эта неясность открывает

³ Не следует считать, что мы здесь принимаем некую "идеалистическую" или "субъективистскую" версию теории познания. Надо только сказать, что наука (а соответственно, и общество) должна ориентировать свои *собственные* операции на различение самореференции и инореференции, чтобы не путать постоянно свои предметы с самой собой. В результате такой практики различения (сколь бы внутренне обусловленной и эволюционно стойкой она ни была) для научного наблюдателя "имеются" совершенно объективные ситуации, которые можно обозначить понятием риска. Но это еще отнюдь не гарантирует согласованной идентификации и постижения предметов множеством наблюдателей; и то, и другое гарантировано тем менее, чем дальше зашла в обществе и его частных системах системная дифференциация. Лишь эту проблему мы и обсуждаем в данной работе.

⁴ См., напр.: Fischhoff et al., 1984. Авторы все время колеблются в своих рассуждениях между тем уровнем, на котором определяется понятие риска, и уровнем измерения конкретных рисков. В работе Gratt, 1987, автор, рассмотрев несколько попыток определения риска, приходит к собственной дефиниции: "Потенциал реализации нежелательных, неблагоприятных последствий для человеческой жизни, здоровья, собственности или среды" (Gratt, 1987, p.244, 248). Однако [надо спросить]: последствий чего? И нельзя ли рисковать иначе, например, репутацией?

⁵ См., например, определение, которое дается в Kates and Kasperson, 1983, p.7029: "Нежданная опасность, в нашем словоупотреблении, – это угроза людям и тому, что представляет для них ценность (собственности, окружающей среде, будущим поколениям и т.п.), а риск – это мера нежданной опасности". Исходя из теории измерения, можно развить множество вариантов этой версии и стимулировать немало научных разработок. См. обзор: Jungermann und Slovic, 1990.

возможность менять темы в зависимости от моды и мнений, в зависимости от работодателя и общественного внимания. У нас, таким образом, есть хороший повод заняться прежде всего отграничением предмета исследований риска.

II

Высокие культуры древности располагали совершенно иной техникой для работы с аналогичными проблемами, а потому не нуждались в слове, обозначающем то, что мы сегодня понимаем под риском. Само собой разумеется, с незапамятных времен людям приходилось иметь дело с неуверенностью относительно будущего. По преимуществу же, однако, доверялись практике дивинации, которая, правда, не могла дать надежной достоверности, но, во всяком случае, гарантировала, что решения [людей] не возбудят гнев богов или иных сакральных [punisher] сил, будучи как-то застрахованы контактом с таинственными предначертаниями судьбы⁶. Во многих отношениях и семантический комплекс греха (поведения вопреки религиозным указаниям) – это тоже функциональный эквивалент, коль скоро он может служить тому, чтобы объяснить, как дело доходит до беды (см. Дуглас, 1994). Уже в морской торговле Древнего Востока (что вполне естественно) имели место и сознание риска, и соответствующие правовые учреждения (см. Oppenheim, 1954). Первоначально они были почти неразличимы от программ дивинации, призвания богов-покровителей и т.д., но в области правовой, в особенности в разделении ролей тех, кто давал капитал, и самих мореплавателей, они явственным образом исполняли функцию страховки и тем самым вплоть до средневековья могли почти непрерывно оказывать влияние на право морской торговли и морских страховок. Однако даже в эпоху нехристианской античности еще нет полностью развитого осознания того, что речь идет о решениях. Поэтому о "риске" начинают говорить только в период длительного перехода от средневековья к ранней современности.

Откуда взялось это слово, неизвестно. Некоторые предполагают его арабское происхождение. В Европе оно встречается уже в средневековых источниках, но распространяется лишь с [началом] книгопечатания,

⁶ См. Covello and Mumpower, 1985. Авторы несколько поспешно сосредотачивают свое внимание на том, что достоверность была гарантирована религиозным советом и авторитетом. Однако эволюция весьма сложных систем дивинации в ранних письменных культурах Месопотамии и Китая показывает, что недостоверность отнюдь не была устранена. Ее переместили в эволюционное развитие, прежде всего, в знание, становящееся все более сложным. Мы обнаруживаем ее также в письменных заметках, в амбивалентности и противоречиях, которые требовали интерпретаций. Не в последнюю очередь сюда относятся и формулы self-fulfilling prophesy [самоисполняющегося пророчества (англ.) – Прим. пер.] (по типу Эдипова), предостерегавшие от того, чтобы учитывать в своих расчетах злое прорицание в попытке избежать беды, потому что именно это и ввело бы в действие условия наступления несчастий. Много материала на эту тему дает книга: Vernant et al., 1974.

видимо, прежде всего в Италии и Испании⁷. Подробных исследований по истории слова и понятия ["риск"] нет⁸, и это неудивительно, поскольку оно появляется поначалу относительно редко и в очень разных предметных областях. Важными сферами его применения являются мореплавание и морская торговля. Морское страхование – это ранний случай планового контроля риска⁹. Помимо этого можно также обнаружить в договорах, которые регулируют, кто в случае ущерба несет риск, такие формулировки, как "ad riscum et fortunam..." или "pro securitate et risico..." или "ad omnem risicum, periculum et fortunam Dei..."* (см. Maschke, 1973. S.192 ff.; Schaube, 1893, S.42, 476). Но и вне этой области применения, видимо, вслед за распространением книгопечатания слово "риск" (примерно с 1500 г.) встречается все чаще. Например, Сципио Аммирато считает, что тот, кто распространяет слухи, подвергает себя риску ("rischio"): его могут спросить об источниках [сведений] (Ammirato, 1598, p.19). У Джованни Ботеро мы находим следующую формулировку: "Chi non risica non guadagna"¹⁰. Согласно древней традиции, он ограничивает эту максимум от тщеславных, безумно отважных проектов¹⁰. Аннибале Ромеи упрекает того, кто "non voler arrischiare la sua vita per la sua religione"(Romei, 1586, p.61). В одном письме Луки Контиле к Клаудио Толомеи 15 сентября 1545 г. (цит. по: Donati, 1988, p.53) находим такую

⁷ См. The Oxford English Dictionary, 1989. Применительно к английскому языку, словарь дает примеры, только начиная со второй половины XVII в. См. также Schulz und Basler, 1988. Bd.3. S.452. Применительно к немецкому языку, этот словарь дает примеры, начиная с середины XVI в. Однако следует принять во внимание, что новолатинское "risicum" к тому времени уже давно было в употреблении, в том числе и в Германии, так что подобного рода ссылки могут иметь отношение скорее к вопросу, было ли что-то и что именно напечатано по-немецки.

⁸ Одной из возможных альтернатив могли бы быть исследования образов и символов; см. Kugler, 1988.

⁹ Примечательно юридическое учение о типах этих договоров. Так как в традиции гражданского права, в контексте искового права [aktionengrrechtlichen] для иска [Klage] были необходимы nomen et causa [обвинение и повод (лат.)– Прим. пер.], то невозможно было просто создать новые типы договоров. Поэтому ухватились за форму заклада, которой злоупотребляли в этих целях, пожалуй, еще в римские времена. Произвольную возможность негарантированного события, по поводу наступления или ненаступления коего можно было заключать пари, удалось перенести и на случай реальных опасений. См. Nehlsen-von Stryk, 1989.

¹⁰ Votero, 1589, цит. по изд.: Bologna, 1930, p.73. О постепенном затихании моральной критики безумной отваги, заносчивости, suberbia [гордыни] см. также Kugler, 1988.

* ввиду риска и случайностей; для гарантий и соответственно риску; ввиду всяческого риска, опасностей и случайностей, ниспосылаемых Господом (лат.)– Прим. пер.

** кто ничем не рискует, тот ничего не получает (ит.)– Прим. пер.

*** жить, рискуя попасть в руки лесных разбойников и необузданных варваров (ит.)– Прим. пер.

формулировку: "vivere in risico di mettersi in mano di gente forestiere e forse barbare"¹¹. Так как язык в это время предоставляет в распоряжение слова для обозначения опасности, дерзания, случая, счастья, мужества, страха, авантюры (aventure)¹¹ и т.д., то можно предположить, что новое слово начинают употреблять, дабы обозначить проблемную ситуацию, которая не может быть достаточно четко выражена при помощи уже имеющихся в наличии слов. Однако в то же время слово вырывается за пределы первоначального контекста (например, в цитате "non voler arrischiare la sua vita per la sua religione"), так что нелегко на основании нескольких случайных находок реконструировать основания для нового понятия.

С учетом этих оговорок, предположим: проблема состоит в постижении того, что некоторых выгод можно достигнуть, только поставив что-то на карту. При этом речь не идет о проблеме издержек, которые можно загодя скалькулировать и исчислить сравнительно с выгодами. Напротив, речь идет о решении, в котором, *как можно предвидеть*, впоследствии придется раскисаться, если возникнет ущерб, которого надеялись избежать. Со времени институционализации исповеди религия пыталась всеми средствами привести грешника к покаянию. Калькуляция риска – это явно противоположная, светская ситуация: программа минимизации раскаяния. Во всяком случае, мы имеем дело с *установкой, непоследовательной в течение времени*: сначала так, потом этак. Значит, так или иначе, речь идет том, чтобы считаться со временем. А ведь в различии религиозной и светской перспектив заключено и напряжение известной калькуляции веры, которое предложил Паскаль: риск (hasard) неверия слишком уж велик, ибо на карту поставлено спасение души (Паскаль, 1974, с. 154–155). Риском веры, то есть преклонения колен безо всякой пользы, можно, напротив, пренебречь.

Уже эти немногие примеры производят впечатление, что в подоплеке здесь кроется весьма сложная проблема, которая служит мотивом для изобретения понятий, которыми, однако, она не вполне может быть охарактеризована. Речь идет не просто о калькуляции издержек на основании гарантированных прогнозов и не только о классической этической супернорме умеренности (modestas, mediocritas) и справедливости (iustitia) при всяком устремлении к благам, самим по себе достойным этого. Дело не в этих, как бы вневременных, формах рациональности, с помощью которых стационарное общество учитывало, что жизнь – это чересполосица прибылей и ущерба, совершенства и испорченности, и что слишком много добра может быть не к добру. Дело не просто в том, чтобы выразить рациональность в некоем мета-правиле, будь то правило оптимизации или правило золотой середины. Люди пытаются постигнуть эти правила как единства различия хорошего и дурного, а затем еще раз сформулировать их так, чтобы хорошим (рекомендуемым) оказалось само единство. С этим способом разрешения парадокса приходится сталкиваться, когда схематизм

¹¹ О последних двух словах, почти тождественных по смыслу современному смыслу слова "риск", см. Kuske, 1949, S.547–550.

хорошего и дурного применяется к самому себе*, но дело и не только в присовокупляющихся сюда риторических ухищрениях, которые открывают в плохом хорошее, а в хорошем плохое (см., например: Lando, 1545; Lando, S.A.). И следовательно, отказывает старая мудрость, учившая, что можно (и как именно) справиться с жизненными ситуациями, в которых играют роль *varietas temporum*** , а также смесь хороших и дурных свойств окружающих людей. Правда, все эти старые средства вводятся в действие еще раз, и даже более интенсивно, уже в то время, когда используется терминология риска, – например, в учениях о добродетелях князя и его советников или в понятии государственной необходимости [Staatsrdson]. Но одновременно драматизация этих семантических форм показывает, что проблемные ситуации постепенно ускользают из их области действия. Ришелье выводит отсюда максимум: "Вред, который может наступать лишь изредка, должно почитать вообще несуществующим. Потому, в первую очередь, что, желая избежать его, подвергают себя множеству других зол, каковые неизбежны и имеют куда более серьезные последствия" (цит. по изд.: Maximes..., 1944, p.42; см. также: Kunreuther, 1976). Видимо, дело в том, что невероятным образом нечто может пойти вкривь и вкось в силу слишком многих причин, чтобы их можно было учесть в рациональной калькуляции. Эта максима вводит нас в самый центр политических дискуссий наших дней относительно последствий современных технологий и экологических проблем современного общества. Тем самым понятию риска, без которого вполне мог обойтись Ришелье, придается совершенно иное значение. Но какое?

Одна только история слова не говорит об этом в точности. Она дает несколько точек опоры, указывая прежде всего, что притязания на рациональность оказываются во все более сомнительном отношении ко времени. Вместе то и другое свидетельствует, что речь идет о решениях, с помощью которых связуется время, *хотя будущее не может быть известно в достаточной мере; причем даже то будущее, которое создается решениями самих [людей]*. Со времени Бэкона, Локка, Вико растет уверенность, что можно манипулировать отношениями; широко распространено убеждение, что знание о чем-либо и возможность произвести это нечто коррелируют между собой. Эта претензия в известной мере проясняется благодаря понятию риска, а также – по-иному – и благодаря только что изобретенному [в ту эпоху] исчислению вероятности. Кажется, что оба понятия могут гарантировать: даже если все не ладится, это не исключает, что действия были правильными. Эти понятия придают решениям иммунитет против неудачи, коль скоро речь идет лишь о том, чтобы научиться избегать ошибок. Соответственно меняется и смысл слова "securitas". Латинская традиция именовала так субъективный настрой: беззаботность [Sorgenfreiheit] или, в негативной оценке, беспеч-

* Иными словами, когда ставится вопрос, хорошо или плохо само это различие хорошего и дурного. Аналогичные парадоксы (на которые Луман неоднократно указывает в своих сочинениях) таковы: различие правого и неправого (применительно к области юридической) само трактуется как правое; различие истины и лжи (область науки) трактуется как истинное и т.д.- *Прим. ред.*

** превратности житейских обстоятельств (лат.).- *Прим. пер.*

ность [Sorglosigkeit] именно в делах спасения души (= *acedia*). Во французском же языке (где сначала речь шла о "*sûreté*", а позже вместо него подсунули "*sécurité*", что опять-таки имеет субъективный смысл) это понятие принимает объективное значение¹² – так, словно бы в отношении ко всегда неопределенному будущему следовало бы теперь найти надежные основания для решений. Все это весьма сильно расширяет сферу и притязания можествования, и старые космологические ограничения, сущностные константы и тайны природы заменяются новыми различиями, попадающими в область рациональной калькуляции. И до сего дня понимание риска продолжает оставаться таким же.

Если задать вопрос, как понимается проблема риска в этой рационалистической традиции, то получишь простой и ясный ответ: ущерб следует по возможности избегать. А так как одна эта максима слишком сильно ограничила бы возможности действий, то необходимо допустить также и сами действия, то есть именно возможность "рисковать", причинять в принципе предотвратимый ущерб, коль скоро лишь калькуляция вероятности ущерба и возможной степени ущерба покажет оправданность такого поведения. Еще и поныне риск вычисляют путем перемножения степени ущерба и вероятности ущерба¹³. Иными словами, речь идет о контролируемом расширении области рационального действия, подобно тому как это происходит в хозяйстве (работать лишь со своим капиталом и не обращаться к кредитам отнюдь не значит исчерпать возможности рационального действия). А для этого достаточно предположить, что последствия различных решений имеют разные функции полезности и разные распределения вероятности, и характеризовать само решение (поскольку результаты его могут быть различны), как рискованное. И без *понятия* риска, выходящего за эти пределы, можно обойтись, да ему и вообще не находится места в структуре этой теории.

Итак, рационалистическая традиция может привести веские доводы в свою пользу. Противоречить ей на этом уровне было бы совершенно неуместно. Отказ от риска, в особенности в современных условиях, означал бы отказ от рациональности. И все-таки остается какая-то неудовлетворенность. Самый общий упрек рационалистической традиции состоит в том, что она не видит, чего она не видит, "...не принимая в расчет слепоту, неотъемлемую от самого способа, каким формулируются проблемы" (см. Winograd and Flores, 1987, p.77, 97ff.). Но если намереваешься наблюдать, как наблюдает рационалистическая традиция, тогда необходимо оторваться от свойственного ей понимания проблемы. Надо оставить ей ее проблему, но при этом понимать все-таки, что она не может видеть то, чего не может видеть. Надо переместить проблему на уровень наблюдения второго порядка. Однако это ставит определенные требования к образованию понятий, о чем

¹² См. многочисленные примеры в: Winkler, 1939. В исследовании Ф.Кауф-мана (Kaufmann, 1970) также показано изменение смысла [понятий] в Новое время.

¹³ Но по этому поводу раздаются и критические голоса, причем не в последнюю очередь со стороны специалистов по прикладной математике. См. Bondi, 1985.

не дает надлежащего представления ни контекст междисциплинарных дискуссий, ни история слова и понятия.

III

На уровне второго порядка, при наблюдении наблюдения, образование понятий требует особой тщательности. Мы исходим из того, что каждый наблюдатель должен использовать различие, ибо иначе он не сможет обозначить то, что наблюдает. Обозначения возможны только на основании различения обозначенного, а различения служат тому, чтобы дать возможность обозначать одну или другую стороны различения. В отношении этих принципов мы следуем исчислению форм Джорджа Спенсера Брауна (Brown, 1979) и поэтому по возможности говорим о "форме", когда имеем в виду различие, разделяющее две стороны и требующее операций (а значит, и времени) – то ли для того, чтобы повторить обозначение одной из сторон для конденсации тождества, то ли чтобы пересечь границу и, начиная со следующей ближайшей операции, исходить уже из другой стороны. Мы выбираем этот исходный пункт вместо обычной методологии, будь то методология теории причинности или статистическая, ибо мы намерены исследовать различения, а различения суть не что иное, как различные обозначения.

Еще одно предварительное замечание касается различения наблюдений первого и второго порядка. Каждый наблюдатель использует различие, чтобы обозначить одну *или* другую сторону. Для перехода от одной стороны к другой он нуждается во времени. Поэтому он не может наблюдать обе стороны *одновременно*, хотя каждая сторона *одновременно* есть другая сторона другой стороны. Он не может также наблюдать единство различения, пока он им пользуется, ибо для этого он должен был бы различить это различие, т.е. использовать другое различие, относительно которого тогда пришлось бы проделать то же самое. Короче говоря, наблюдение не может само себя наблюдать, хотя наблюдатель как система имеет время, чтобы менять различения, и потому может наблюдать себя и в смысле наблюдения второго порядка.

Кроме того, мы должны различить два вида различения. Один обозначает нечто в отличие от всего остального, не специфицируя другую сторону различения. То, что специфицируется такого рода различениями, мы намерены называть, в целях нашего исследования, *объектами*¹⁴. При наблюдении объектов обозначение и различение объекта совпадают

¹⁴ Конечно, есть много других способов использования понятия "объект". Важно, что мы *не* перестраиваемся на различие "субъект/объект"; ибо выбор этой формы (скажем, формы субъекта) не оставлял бы места для того, что мы в тексте называем "понятиями", и тогда пришлось бы вводить их как инструменты наблюдения "субъектов", оказаться в ловушке неразрешимой проблемы "интерсубъективности", не имея возможности соответствующим образом описать наблюдение наблюдателей. И можно предположить, что кончилось бы это плутаниями в чаще подозрений относительно идеологичности, в зарослях релятивизма, прагматизма, плюрализма, теории дискурса и т.д.

ют; они могут быть совершены только uno actu [единым действием (лат.) – *Прим. ред.*]. Напротив, иной способ различения ограничивает то, что на другой стороне различения принимается в расчет, например, женщины/мужчины, правое/неправое [Unrecht], горячий/холодный, добродетель/грех, хвала/порицание. Конденсаты такой практики различения мы намерены называть *понятиями*. Как объекты, так и понятия, – суть зависимые от различения конструкты наблюдателя. Однако понятия больше дистанцируют наблюдателя от наблюдаемого, чем объекты, ибо они сильнее разводят в разные стороны различение и обозначение как операцию наблюдателя и требуют различения различений.

Исторически позднее появление тех ситуаций, которые обозначаются словом "риск", связано, возможно, с тем, что при помощи этого слова в одно понятие сводится, т.е. обозначается как единство, множество различений. Речь идет не просто об описании мира неким наблюдателем первого порядка, который видит нечто позитивное или нечто негативное, что-то фиксирует, а что-то упускает. Мало того: речь еще идет и о реконструкции феномена множественной контингенции*, который, следовательно, разным наблюдателям открывает разные перспективы.

С одной стороны, в будущем дело может дойти до ущерба – или не дойти. С точки зрения настоящего будущее неопределенно, в то время как уже теперь точно известно, что будущее настоящее будет определено с точки зрения его желательности или нежелательности. Только теперь еще нельзя сказать, как именно. Однако можно знать, что ты сам или другие наблюдатели в будущем настоящем будут знать, в чем дело, и тогда они оценят это положение иначе, чем теперь, но, возможно, все по-разному.

К тому же, с другой стороны, то, что может произойти в будущем, зависит от решения, которое следует принять в настоящем. Ибо о риске говорят только в тех случаях, когда может быть принято решение, без которого не возникло бы ущерба. Применительно к понятию не должно иметь решающего значения (хотя это вопрос дефиниции), воспринимает ли риск сам решающий как следствие своего решения, или ему вменяют это другие; не должно быть важно, в какой момент времени это происходит – во время решения или позже, лишь в случае ущерба. Самое главное для понятия, как его определяем здесь мы, состоит лишь в том, что контингентный ущерб сам причиняется контингентно, т.е. его можно избежать. И здесь тоже мыслимы различные перспективы наблюдения с самыми разными мнениями наблюдателей относительно того, следует ли принимать решение, мирясь с риском или нет.

Иными словами, понятие относится к многоступенчатому устройству контингенции. Следуя Канту (ибо его понятие сопрягается со временем), можно было бы говорить о *схеме* контингенции. Или – вместе с

* Контингенция – от лат. "contingere" – случаться, соприкасаться, т.е. необходимость, возможность иного, связанная скорее всего с какой-то (опять-таки не-необходимой и множественной) зависимостью. Так, любой человек мог и не существовать, если бы его родители не встретились, не вступили в близкие отношения и если бы они, в свою очередь, по аналогичным причинам тоже не существовали. – *Прим. ред.*

Новалисом – о "всеединстве схемы"¹⁵. При этом уже сам факт, что два временных состояния контингенции, событие и ущерб, прочно связываются как контингенции (не как факты!), хотя этого и не должно быть, создает возможность того, что наблюдатели расходятся во мнениях. Временные контингенции провоцируют социальные контингенции, и эту множественность тоже нельзя снять в единой формуле бытия. Конечно, можно достигнуть единства в вопросе о том, следует ли принимать решение или нет; но тогда это уже дело взаимного соглашения, а не знания. От момента разложения на временные и социальные дифференциации нет возврата назад, в состояние невинности: к знанию о мире*. Врата Рая остаются запечатанными. Словом "риск".

То, что мы только что назвали схемой контингенции, напрягает смысла как среду, в которой должны обрести форму любые коммуницирования и действия**. Смысла можно определить как среду, которая производится благодаря избытку ссылок на другие возможности (подробнее см. Luhmann, 1984, S.92ff.). Поэтому, в конечном счете, весь смысл основывается на различении актуального и потенциального¹⁶. При этом актуальное всегда именно таково, каково оно есть, и оно всегда дано в мире одновременно с другими актуальностями (см. об этом Luhmann, 1990, S.95–130). Так как все системы совершают (или не совершают) свои операции актуально***, полной произвольности не будет никогда¹⁷. Но в смыслоконституирующей сфере возможного многообразии перспектив может увеличиться и соответственно нахождение формы может стать более трудным. Это видно уже по тому, что увеличиваются возможности отрицать риск – будь то в направлении

¹⁵ Эта формула из его "Философских исследований" 1795/96 г., по изданию: Mahl und Samuel, 1978, S.14. Там же говорится: "Схема находится во взаимодействии сама с собой. Все на своем месте есть лишь то, что оно есть благодаря другим".

* Чтобы упростить понимание этого сложного места, мы предлагаем свою интерпретацию. Наблюдения одного и того же наблюдателя могли быть другими прежде и могут быть другими в будущем – это временная контингенция. Она провоцирует разногласие, несовпадение наблюдений синхронно наблюдающих наблюдателей. Знание о мире есть единство наблюдений разных наблюдателей прежде, теперь и – как считается – впрямь. Но синхронность единогласия больше уже не значит, что оно сохранится и впрямь. Социальное и временное измерения смысла взаимно дифференцировались.– *Прим. ред.*

** Луман не акцентирует, но использует здесь несколько иное, чем привычное для его читателей, различение системы и окружающего мира. В последнее время, с опорой на труды Ф.Хайдера (ссылки на него см. ниже в тексте), он использует различение среды и формы (Medium und Form).– *Прим. ред.*

¹⁶ Впрочем, и это – тоже различение, которое может снова войти в себя самое. Ибо актуальное в модусе возможного, со своей стороны, возможно (а не невозможно), в то время как в возможном указаны другие возможные актуализации.

*** В следующей главе этой книги Луман формулирует еще более четко: все, что совершается, совершается одновременно.– *Прим. ред.*

¹⁷ Рискованные решения – это тоже решения, их можно наблюдать как конкретные случаи. Они имеют место при условии одновременности с иным. И все это происходит так, как происходит.

надежности, когда утверждают невозможность будущего ущерба; будь то в направлении опасности, когда оспаривают возможность вменения ущерба какому-либо решению; будь то с помощью вторичных различий, скажем, "известные/неизвестные" риски или "коммуницируемые/некоммуницируемые" риски. Таким образом, как и в проблемных ситуациях модальной логики, [здесь] надо специфицировать использование отрицаний¹⁸. Но все это происходит (в чем и сказывается практический эффект такого перехода на второй или третий уровень наблюдения) при условии, что и отрицание риска – какого бы то ни было рода – в свою очередь, тоже является риском.

Тем самым мы, однако, еще не достаточно прояснили условия оперативного использования понятия "риск". Что означает это слово? Какую возможность отрицания (какую иную сторону какого различия) имплицитно это понятие, если его хотят уточнить для научного использования? Если хотят знать, что имеет в виду наблюдатель (второго порядка), обозначающий как риск некую перспективу наблюдения, то надо уметь указать, в рамках какого различия понятие риска обозначает одну (а не другую) сторону различия. Иными словами, мы задаем вопрос о форме, которая руководит наблюдателем, когда он обозначает некое наблюдение как риск, а под "формой" мы всегда понимаем границу, некий надрез, разделяющий две стороны, следствием чего является необходимость указывать, какая сторона является исходной при совершении следующей операции.

Ясно, что рационалистическая традиция, краткий очерк которой был дан выше, хотя и предлагает форму риска, но не определяет его. Проблему, состоящую в том, как, несмотря на использование возможностей рациональности, по возможности избежать ущерба, она переводит в директивы для калькуляции. Тогда в качестве формы возникает [различение] "оптимально/неоптимально", а тем самым – и весь каскад вторичных различий разных способов исчисления. Итак, еще раз: значение проблемы и ее специфическая современность не только не должны быть недооценены, они должны быть подчеркнуты. Только здесь мы не найдем формы, которая даст нам понятие риска.

Весьма распространено представление, что понятие риска следует определять как противоположность понятию *надежности* (Sicherheit) (см. напр.: Lopez, 1987, p.275ff.). В политической риторике это имеет то преимущество, что, высказываясь против слишком рискованных предприятий, можно одновременно продемонстрировать, что именно тебе особенно дорога надежность как общепринятая ценность. А это быстро (слишком быстро) приводит к представлению, будто подлинно здесь именно желание надежности и только при данной ситуации в мире (раньше сказали бы: "в нашем подлунном мире") приходится пускаться на риск. Тем самым форма риска становится вариантом различия "нерадующий/радующий". Несколько более рафинированы высказывания экспертов по надежности. Профессиональный опыт учит их, что абсолютная надежность недостижима. Всегда что-нибудь да случит-

¹⁸ См. об этих проблемах и о необходимости многозначной логики для их рассмотрения: Esposito, 1990.

ся¹⁹. Поэтому эксперты все чаще начинают использовать понятие риска, чтобы математически уточнить свое стремление к надежности и меру разумно достижимого (см., напр.: Bjordal, 1987; см. также Hartwig, 1983), чему соответствует переход от детерминистского к вероятностному анализу риска. Что-то подобное можно сказать и по поводу литературы о защите потребителя²⁰. Все это подтверждает распространенную склонность определять риск как количественную меру в вычислительных процессах. Затем, покосившись на социологов, можно согласиться: понятие надежности – это социальная фикция. Можно также исследовать, что [именно] в социальной коммуникации рассматривается как надежное и насколько устойчивы эти фикции, если опыт показывает обратное (например, когда время пересадки с рейса на рейс в аэропортах не совпадает с расписанием)²¹. Понятие надежности как противоположность понятию риска оказывается в этой констелляции пустым понятием, подобно понятию здоровья в различении "больной/здоровый". Итак, оно функционирует только как понятие рефлексии. Или же как понятие-отдушина для социальных требований, которые, в зависимости от меняющегося уровня притязаний, просачиваются в калькуляцию риска. Таким образом, в результате возникает пара [понятий] "риск/надежность". Это схема наблюдения, которая, в принципе, делает возможным калькуляцию всех решений с точки зрения их рискованности. Следовательно, эта форма имеет ту бесспорную заслугу, что универсализирует понятие риска. И не случайно с XVII в. тематика надежности и тематика риска способствуют взаимному становлению.

Эти рассуждения подводят к вопросу, могут ли быть такие ситуации, когда возможно выбирать или даже приходится выбирать между риском и надежностью, между рискованной и надежной альтернативой? Этот вопрос вынуждает более тонко настроить наш понятийный аппарат. Часто утверждают, что такая возможность выбора существует²². Тогда мнимо "надежная" альтернатива имплицитно подразумевает двойную надежность: не возникает никакого ущерба и теряется шанс, который можно было бы реализовать в случае выбора рискованного варианта. Однако этот аргумент вводит в заблуждение, ибо упущенный подходящий случай сам по себе отнюдь не был чем-то надежным. Следовательно, нельзя с надежной достоверностью сказать, потеряно ли что-то из-за отказа воспользоваться этим "чем-то", а значит, открытым вопросом остается и то, придется ли раскаиваться в предпочтении, отданном "надежному" варианту. Ко-

¹⁹ "Из-за человеческого несовершенства" – как охотно говорят в таких случаях.

²⁰ Ср., например: "Предохранение потребителя от всех несчастных случаев и травм – обеспечение «нулевого риска» – не является ни реалистической, ни осмысленной целью" (Asch, 1988, p.43). Правильно! Ну и что с того?

²¹ Определенную роль в обеспечении устойчивости этих фикций играет и приспособление к чувствительности общественного мнения. См., напр.: Whipple, 1985.

²² См., например, о решениях менеджеров: MacCrimmon and Wehrung, 1986, p.11, а также по всей книге. И это при том, что понятие упущенного благоприятного случая привычно для авторов (MacCrimmon and Wehrung, 1986, p.10).

нечно, это такой вопрос, который часто не имеет ответа, если шанс вообще не пытались использовать, если рискованный каузальный процесс вообще не был запущен. Однако рискованность одного из вариантов окрашивает собой всю ситуацию решения. Совершенно невозможно с уверенностью [mit Sicherheit] отказаться от ненадежного [unsicheren] преимущества, так как не исключается, что отказа как такового вообще нет (что в данный момент знать, однако же, нельзя). Правда, можно вообще отказаться ориентироваться на сопряженные с риском различения – например, в контексте изначально религиозных или еще каких-то "фанатичных" затей. Но если принимать во внимание риск, то любой вариант некоего репертуара решений, т.е. вся область альтернатив, является рискованной – пусть даже риск состоит только в том, что не будут восприняты достаточно явные шансы, которые в будущем, возможно, окажутся благоприятными.

Эксперты по надежности – а также все те, кто упрекает их в том, что они недостаточно делают для надежности, – являются наблюдателями первого порядка. Они верят в факты; и если ведутся споры или переговоры, то обычно на основе различных интерпретаций или различных притязаний в связи с этими самыми фактами (одна и та же "ниша", как сказал бы Матурана) (см. Nelkin, 1985). Люди требуют больше информации, лучшей информации, они сетуют на сокрытие информации теми, кто хочет помешать другим спроецировать на объективно данный мир фактов другие интерпретации или более высокие притязания (см. Brown, 1985) – словно бы *имеется* "информация", которой можно *владеть* или же *не-владеть*. Как уже сказано, для наблюдателя первого порядка это и есть реальный мир. Но для наблюдателя второго порядка проблема состоит в том, что нечто, считающееся разными наблюдателями одним и тем же, продуцирует для них совершенно разную информацию.

Чтобы удовлетворить обоим уровням наблюдения, мы намерены придать понятию риска иную форму с помощью различения *риска* и *опасности*. Различение предполагает (и отличается тем самым от других различений), что существует неуверенность [Unsicherheit] относительно будущего ущерба. Здесь есть две возможности. Либо возможный ущерб рассматривается как следствие решения, т.е. вменяется решению. Тогда мы говорим о риске, именно о риске решения. Либо же считается, что причины такого ущерба находятся вовне, т.е. вменяются окружающему миру. Тогда мы говорим об опасности.

В обширной литературе по исследованию риска это различие "риск/опасность" не играет сколько-нибудь заметной роли²³. Причин

²³ Часто слова "риск" и "опасность" используются как тождественные или же без ясного различия между ними. Ср., например: "Рискованные решения – это те, которые содержат в себе элемент опасности" (Lopez, 1987, p.264). См. также: Rescher, 1983. Решер, правда, различает "running a risk" [подвергаться риску] и "taking a risk" [рисковать самому] (Rescher, 1983, p.6), однако затем он это различие никак не использует. Однозначно отрицает такое различие Энтони Гидденс (см. Giddens, 1990, p.34ff.). Обосновывает он это тем, что риск и есть опасность будущего ущерба; сознание решающего здесь ни при чем. Действительно, сознание как чисто психический феномен и должно быть здесь ни при чем. Но следует все-таки делать различие, в зависимости от того, наступил бы ущерб и без данного решения или нет, – независимо от того, кто бы ни совершал это каузальное вменение.

этого может быть несколько. О беззаботности в вопросах понятий мы уже говорили. Но свою роль мог сыграть и язык. В англоязычной по преимуществу литературе имеются в распоряжении такие слова, как "risk", "hazard", "danger"; используются они в основном почти в одном и том же смысле²⁴. Известно, правда, что в восприятии риска и согласия на риск важную роль играет то, добровольно или недобровольно оказывается человек в чреватых опасностями ситуациях²⁵; важно также, предполагает ли он держать под контролем последствия своего поведения. Но тем самым описываются лишь те переменные, относительно которых предполагается, а по возможности и может быть продемонстрировано, что они оказывают влияние на восприятие риска или готовности к риску. Речь при этом идет не об определении формы понятия "риск". Согласно предлагаемой здесь методологии это определение должно начинаться с определения противоположного понятия, т.е. при различении различий.

Различение "риск/надежность", как и различение "риск/опасность", построены асимметрично. В обоих случаях понятие риска обозначает сложный комплекс обстоятельств, с которыми обычно приходится иметь дело, по меньшей мере – в современном обществе. Противоположная сторона выступает лишь как понятие рефлексии, функция которого состоит в том, чтобы прояснить контингенцию обстоятельств, подпадающих под понятие риска. В случае "риск/надежность" это показывают проблемы измерения; в случае "риск/опасность" – то, что только применительно к риску определенную роль играет решение (т.е. контингенция). Опасности – это то, чему [некто] подвергается. Здесь, конечно, играет роль и [его] собственное поведение, но только в том смысле, что оно ведет к ситуациям, в которых и наступает ущерб. (Если бы он пошел другой дорогой, ему не свалился бы на голову кирпич.) Другой предельный случай – это выбор между весьма сходными альтернативами. Например, делается выбор между двумя авиакомпаниями; причем выбранный самолет разбивается. Здесь тоже едва ли можно усмотреть решение в пользу риска, ибо ведь не ради определенных выгод этот некто идет на риск; он просто обязан выбрать между двумя более или менее равноценными решениями, потому что реализовать можно только одно из них. Вменение решению должно, таким образом, удовлетворять специфическим условиям. В частности, альтернативы должны явно различаться между собой с точки зрения возможного ущерба.

В случае риска вменение решению ведет ко множеству последующих различений, к серии (или "дереву решений") бифуркаций, каждая из которых сама по себе опять-таки открывает возможности рискованных решений. Первое различение таково: попадает ли ущерб в область обычных издержек (т.е. "зону прибыли") и только повышает те издержки, с которыми приходится мириться, или он влечет за собой ситуацию, когда

²⁴ Например, в таком месте, где можно было бы ожидать прояснения понятий, мы читаем: "Анализ риска – это идентификация потенциальных «опасностей для индивидов и общества»" (Renn, 1985, p.113).

²⁵ Это обсуждается со времени появления статьи Старра (Starr, 1969).

в ретроспективе придется сожалеть о решении²⁶. Лишь для этого последнего случая, для решений, в которых, возможно, придется раскаиваться, создан весь аппарат исчисления риска. Легко увидеть, что эта форма рациональности служит разворачиванию парадокса, ибо указывает, что ложное решение было тем не менее правильным²⁷.

Схема "риск/опасность" все еще предполагает, что интерес сосредоточен на надежности (или неприятии риска, или уклонении от опасности), но этот интерес не "помечается", потому что сам собой разумеется²⁸. Различение риска и опасности позволяет пометить обе стороны, но не одновременно. Помечая риск, можно забыть об опасностях, помечая опасности – о тех выгодах, которых можно было бы достичь путем рискованного решения. Поэтому в обществах более древних помечается скорее опасность, а в современных, вплоть до последнего времени, – скорее риск, ибо здесь речь идет о том, чтобы все лучше и лучше использовать шансы. Вопрос, однако же, заключается в том, будет ли все так же идти и дальше, не характерно ли для нынешней ситуации, что и тот, кто решает, и тот, кого затрагивает решение, всякий раз помечают разные стороны одного и того же различия и благодаря этому оказываются в конфликте, ибо они по-разному располагают своим вниманием и тем вниманием, какого требуют от других.

²⁶ В последнее время стали говорить о "postdecision surprises" и "postdecision regret" ["неожиданностях после принятия решения" и "сожалении после принятия решения"]. Типично бюрократическое поведение характеризуют при этом как попытку предвосхитить и при всех обстоятельствах избежать postdecision surprises (что, как уже замечено выше, ведет к недоиспользованию возможностей рациональности). См. относительно математических процессов: Bell, 1982; 1993. См. также Harrison and March, 1984, и дискуссии, которая с этим связана. Мы еще к этому вернемся.

²⁷ Можно было бы возразить, что эта формулировка не учитывает различие во времени между решением и наступлением ущерба. Это действительно так, но верно и то, что асимметрия течения времени, со своей стороны, разрушает парадокс. Однако для изолированной калькуляции решений, какая типична для организаций, этого недостаточно, ибо может быть выдвинуто требование, чтобы и временное различие тоже рефлектировалось. Иными словами, люди хотели бы *уже теперь* быть уверенными в том, что *в момент наступления ущерба* можно будет сказать: решение было принято правильно, хотя с точки зрения нанесенного ущерба о нем приходится сожалеть. То есть речь идет о комплексе метаправил, которые гарантируют последовательность, несмотря на непоследовательность в оценке решения. Функционально эквивалентный механизм – это, конечно, пожизненное зачисление в штат.

* Термины "метка", "помеченное" Луман заимствовал из исчисления форм Дж.Спенсера Брауна. Ср.: "Пусть состояние, отличное различием, будет помечено меткой различения... Пусть состояние будет известно благодаря метке. Назови состояние помеченным состоянием" (Spencer Brown, 1969, p.4).– *Прим. ред.*

²⁸ См. о лингвистическом метаразличении "marked/unmarked" ["помеченного/непомеченного"] применительно к сторонам различия: Lyons, 1977. В этой дискуссии дело выглядит таким образом, что непомеченной остается та сторона, которая предположительно предпочитается, а потому ее и не нужно специально обозначать. Тогда разметка – это средство направить внимание на ту сторону, где располагается проблема.

Уже этих немногих замечаний достаточно, чтобы высветить преимущества, реализуемые благодаря замене схемы "риск/надежность" схемой "риск/опасность". Самое важное, что дает такая замена формы, – это использование понятия вменения, ибо это последнее относится уже к уровню наблюдения второго порядка. У понятия вменения – долгая предыстория, прежде всего, в области юриспруденции и национальной экономики. Но там речь все-таки шла всегда о проблеме правильного вменения – например, вменения деяния преступнику или вменения приращения стоимости таким факторам производства, как земля, труд, капитал или организация (см. обзор: Mayer, 1928). Только социально-психологические исследования в области атрибуции, начавшиеся после второй мировой войны²⁹, достигают уровня наблюдения второго порядка, хотя, конечно, [психологи] еще не располагают этим понятием вместе со всеми следствиями для теории познания и методологии, которые из него вытекают. Теперь можно наблюдать, как совершает вменение какой-то иной наблюдатель, например, когда он [вменяет что-либо] внутренним или внешним [факторам] либо применительно к себе самому, либо к другим, либо факторам постоянным, либо переменным, структурам или событиям, системам или ситуациям. Итак, в этой исследовательской традиции сам способ вменения рассматривается как контингентный, а затем делается попытка обнаружить те факторы, с которыми коррелируют способы вменения (личностные признаки, ситуационные признаки, такие констелляции ролей, как, например, "учитель/ученик" и т.д.). Последним шагом был бы *аутологический вывод*, т.е. понимание того, что и эти корреляции суть вменения, коррелирующие с теми условиями, которые характерны для наблюдателя второго порядка. Потому что ведь и наблюдатель второго порядка – тоже наблюдатель, и он сам попадает в ту предметную область, которую он наблюдает.

То, что различие риска и опасности оказывается зависимым от вменений, отнюдь не означает, что лишь по произволу наблюдателя нечто зачисляется в категорию риска или опасности. Мы уже назвали несколько предельных случаев. Прежде всего, в наше время вообще нет явных критериев для принятия того или иного решения, или же они наверняка не имеют отношения к различной вероятности выгоды и возможного ущерба. Однако другой случай имеет более серьезное значение. Когда ущерб имеет экологический характер, превышение определенного порога, необратимое изменение экологического равновесия или наступление катастрофы часто совершенно нельзя вменить каким-то отдельным решениям. Пусть наблюдатели спорят о "долях [ответственности]", например, в вопросе о влиянии автомобильных выхлопов на вымирание лесов; но даже если дело действительно в

²⁹ Их сформулировал прежде всего Фриц Хайдер. Через Хайдера они связаны и с проблемами метода в юриспруденции и национальной экономики (вспомним хотя бы Макса Вебера), и с гештальт-психологическими исследованиями восприятия каузальной связи. См. прежде всего: Heider, 1958. См. также: Kaufmann, 1936. Важные рассуждения Кауфмана о вменении (см. Ibid., S.181ff.) не попали в английское издание 1944 г., а потому никакого влияния на последующие исследования не оказали. (Но Хайдер был знаком с этими рассуждениями.)

этом, запуск одного автомобильного мотора нельзя будет отнести к категории рискованных решений. И тут пришлось бы, так сказать, избрести решения, каковым затем и вменить [ответственность], например, решение не запрещать езду на автомобилях. Иначе говоря, при аккумуляции эффектов решения, в долговременных последствиях решений, которые больше нельзя уже идентифицировать, в сверхсложных каузальных отношениях, которые уже нельзя проследить по отдельности, имеются условия, которые способны вызвать значительный ущерб, причем вменить их отдельному решению невозможно, хотя ясно, что без решений дело бы до такого ущерба не дошло³⁰. Ибо вменить что-либо решению можно только тогда, когда различим выбор между альтернативами, выбор, которого, как представляется, можно ожидать и требовать, все равно, видел ли решающий в данном отдельном случае альтернативу или нет.

Примем, в рамках указанных ограничений, это определение риска. "Риск" тогда не означает "факта", существующего независимо от того, наблюдаем ли он и кем именно наблюдаем³¹. Однако поначалу остается открытым вопрос, рассматривается ли нечто как риск или как опасность. Если хочешь узнать, что имеет место в данном случае, следует наблюдать наблюдателя и в случае нужды постараться обеспечить себя теориями обусловленности (Konditionierung) его наблюдения. Это различие обеими сторонами может быть (хотя и с разной степенью убедительности в [разных] обществах) применено к самому неопределенному ущербу, например, возможности, что землетрясение разрушит дома и погубит людей, что кого-то коснутся автомобильные аварии или болезни, что в семье наступит дисгармония или что научишься тому, что впоследствии совершенно не сможешь использовать. Экономически натренированный взгляд увидит ущерб даже в отсутствии выгоды, в ожидании коей делались инвестиции: некто покупает автомобиль с дизельным мотором, вскоре после чего повышают налоги [на такие автомобили]. В принципе, всякого ущерба можно избежать посредством решения и тем самым зачислить этот ущерб в разряд риска. Например, можно переселиться из области, где высока опасность землетрясений, не ездить на автомобиле, не жениться и т.д. И если отсутствие ожидаемых выгод считается ущербом, то тогда все будущее именно как будущее подпадает под дихотомию "риск/опасность". Мы можем, следовательно, рассматривать эти понятия как *произвольно генерализуемые в предметном [измерении]*. Могут быть предельные случаи. Опасность метеоритного дождя с катастрофическими последствиями – это пример [события], вероятность которого недооценивается лишь потому, что все равно ничего не поделаешь. Однако этот пример показывает, что современное общество рассматривает опасности со стороны риска и воспринимает их всерьез только как риски. Во всяком случае, любой интерес, поскольку он

³⁰ См. Vonß, 1990. Бонс говорит в связи с этим об опасностях второго порядка.

³¹ Здесь мы можем только мимоходом заметить, что в области теории познания это ведет не к идеалистическим, а к конструктивистским утверждениям. См. об этом: Luhmann, 1988; 1990.

наблюдается, может быть дихотомически разделен именно таким образом. Поэтому проблема, к которой подводит нас тема "риск", лежит, видимо, совсем не в области предметного измерения. Она, как мы намерены подробно показать далее, состоит в состоянии временного и социального измерений.

Сравним, наконец, еще раз обе формы: "риск/надежность" и "риск/опасность". Это позволит сделать важный вывод. В публичных дискуссиях знание и учет того, о чем мы сейчас скажем, могло бы сильно поубавить ненужный пыл и способствовать переходу к более цивилизованным формам обсуждения. Применительно к обоим различениям правильно будет утверждение, что *свободного от риска поведения не существует*. Для первой формы это означает, что не существует абсолютной надежности³². Для второй – что если решение вообще принимается, то риска избежать нельзя. Потому что, следуя рекомендациям и не совершая обгона на повороте с плохим обзором, подвергаешь себя риску ехать медленнее, чем возможно, если на встречной полосе нет машин. Пусть будут сделаны какие угодно вычисления, пусть во многих случаях удастся прийти к однозначным результатам. Но все это – только помощь в решениях и это отнюдь не означает, что, если решение вообще принимается, риска можно избежать (подробнее см. Wildavsky, 1988). И, само собой разумеется, в современном мире отказ от решения – это тоже решение.

Если нет решений, гарантированно свободных от риска, следует отказать от надежды (которую может по-прежнему лелеять наблюдатель первого порядка), что умножение исследований и знаний позволит перейти от риска к надежности. Практический опыт учит скорее обратному: чем больше знаешь, тем больше знаешь, чего не знаешь, и тем скорее формируется сознание риска. Чем более рациональны, чем более сложно задуманы калькуляции, тем больше граней [проблемы] попадает в поле зрения. В этом отношении будущее неопределенно, а потому существует риск (о противоположности рациональности и риска см.: Ярр, 1990). С этой точки зрения не случайно, что перспектива риска обозначилась параллельно выделению науки [как особой системы]. Современное общество риска не есть, таким образом, всего лишь результат восприятия последствий действия техники. Начало ему положило уже расширение исследовательских возможностей и самого знания.

IV

В заключение данной главы необходимо еще обратиться к проблеме *предупреждения*, некоторым образом (это надо определить точнее) опосредующего решение и риск.

В самом общем смысле под предупреждением здесь следует понимать подготовку к неопределенным будущим ущербам, будь то уменьшение вероятности ущерба или уменьшение его размеров. То есть пре-

³² Можно согласиться, что есть и исключения. Одним из таких исключений является смерть. Поэтому, строго говоря, риска смерти нет, но есть лишь риск укорачивания жизни. Кто считает "жизнь" высшей ценностью, тому следует посоветовать, чтобы он высказывался точнее: "долгая жизнь".

дупреждение возможно практиковать и в случае опасности, и в случае риска. Ведь можно вооружаться и против опасностей, которые нельзя вменить своему решению: упражняться в употреблении оружия, откладывать определенный запас денег на случай нужды, дружить с теми, кого при необходимости можно попросить о помощи. Однако такие стратегии обеспечения надежности имеют как бы побочный характер. Их самым общим образом мотивирует неопределенность жизни [Lebensführung] в этом мире.

Напротив, если речь идет о риске, ситуация в ряде важных аспектов оказывается совершенно другой, ибо здесь предупреждение оказывает влияние на готовность к риску, а тем самым – и на одно из условий возникновения ущерба. В процесс с неопределенным результатом ввязываются с большей готовностью, если имеются гарантии правовой защиты. Если существуют сейсмически несколько более надежные способы строительства, то это увеличивает объемы строительства в районах, которым угрожают землетрясения. Банк с большей готовностью предоставит кредит, если ему смогут дать гарантии [Sicherheiten]. Для выбора места строительства атомной электростанции возможность быстрой эвакуации населения – совсем немаловажный аспект (по этой причине был отвергнут проект строительства на Лонг Айленде). Но круг, образуемый уменьшением и повышением риска, оказывается намного шире. Как показывают исследования поведения менеджеров в рискованных ситуациях, они нередко склонны переоценивать степень своего контроля над процессами, которые могут быть чреваты ущербом; бывает даже так, что они игнорируют имеющиеся данные и подбадривают себя тем, что обеспечивают появление других, более благоприятных оценок (см. обзор в: March, Shapira, 1987, p.1410ff.). Иными словами, идет активный поиск данных в пользу предположения о том, что процесс и впредь не выйдет из-под контроля.

Такое поведение можно описать также и как стратегию распределения риска. Сначала речь идет о первом риске, риске решения. Вторым риском [т.е. риском предупреждения] он компенсируется, дополняется, ослабляется, но (поскольку второй риск – это тоже риск) при определенных обстоятельствах также и повышается. Дополнительный, разгружающий риск может состоять в том, что предупреждение способно оказаться совершенно ненужным: человек целыми днями гоняет по лесу, чтобы оставаться здоровым, и наконец гибнет в авиакатастрофе. Или же превентивные меры обнаруживают свою каузальную недейственность. Или же все это было всего лишь необходимой для ободрения фикцией. Риск изгнания риска все еще остается риском.

Поскольку и первый риск, и риск предупреждения суть риски, то в обоих случаях на первый план выступают проблемы оценки риска и принятия риска. Но взаимная зависимость делает ситуацию комплексной и по существу непрогнозируемой. Вполне может случиться, что риск предупреждения будет рассматриваться совершенно иначе, что на него пойдут с большей готовностью, ибо он служит предохранению от первичного риска. Так ищут, и находят, риск-алиби. Так, осознавая риск, связанный с техническими установками, тем охотнее полагаются на людей, поставленных для контроля над этим риском. Да мало ли еще какие избыточные действия предпринимаются.

Наконец, у обсуждаемой здесь проблемы есть и политическая сторона (см. Okrent, 1980). Для политической оценки приемлемых, разрешимых рисков технология надежности, равно как и все иные приспособления для уменьшения вероятности ущерба или уменьшения ущерба в случае аварии или катастрофы, будет играть значительную роль, и областью переговоров скорее, видимо, окажется именно эта сфера, чем различия во мнениях относительно первичного риска. Но таким образом политика ступает на весьма скользкую почву. Она подвержена не только обычному риску переоценки или недооценки риска, что ведет прежде всего к политизации темы [коммуникации], но к тому же еще и искажениям, возникающим, поскольку первичный риск считают контролируемым или неконтролируемым, в зависимости от того, каких желают достигнуть результатов. Всякая оценка риска всегда остается привязанной к контексту. Ни психологически, ни при господствующих социальных условиях не существует абстрактного предпочтения или пренебрежения риском. Но что происходит, когда контекст, руководящий оценкой риска, сам является риском, только иным?

Наконец, в этой связи и именно в политической перспективе необходимо еще раз отразить различие риска и опасности. Даже если это опасности природных катастроф, отказ от предупредительных мер становится риском. Однако в политическом отношении, конечно, легче дистанцироваться от опасностей, чем от риска³³, даже если вероятность ущерба или размер ущерба в случае опасности будут больше, чем в случае риска; может быть, это даже не зависит от вопроса о том (что, впрочем, нуждается в более детальном исследовании), насколько можно полагаться на предупредительные меры в обоих случаях и чего это будет стоить. Даже если существуют предупредительные меры применительно к ситуациям обоого рода, то все же релевантным опять-таки может оказаться то, оценивается ли изначальная проблема как опасность или вменяется в качестве риска. Вот, скажем, сообщают о таком случае в Швеции. Было сочтено политически удобным эвакуировать вертолетами большое число лапландцев на то время, когда в их районе проводились ракетные эксперименты, — хотя вероятность падения вертолета и размер ущерба от этого были гораздо большими, чем возможность того, что в малонаселенной местности на одного отдельного человека упадет какая-нибудь часть ракеты. Но первое явно было расценено как риск, а второе (впрочем, весьма несправедливо) только как опасность.

ЛИТЕРАТУРА

- Бек У.** От индустриального общества к обществу риска // THESIS, 1994, вып.5.
Вилдавски А. и Дейк К. Теория восприятия риска: кто боится, чего и почему? // THESIS, 1994, вып.5.
Дуглас М. Риск как судебный механизм // THESIS, 1994, вып.5.
Найт Ф. Понятия риска и неопределенности // THESIS, 1994, вып.5.

³³ Окрент (Okrent, 1980) объясняет эту проблему на примере промышленного риска и риска наводнений в американских каньонах.

- Паскаль Б.** Мысли. В: Ф. де Ларошфуко. Максимы.– Б. Паскаль. Мысли.– Ж. де Лабрюйер. Характеры. М.: Художественная литература, 1974
- Ammirato S.** Della Segretezza. Venezia, 1598.
- Asch P.** Consumer Safety Regulation: Putting a Price on Life and Limb. Oxford, 1988.
- Ashby E.** Reconciling Man with the Environment. London, 1978.
- Beck U.** Die Risikogesellschaft: Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt a.M., 1986.
- Bell D.E.** Regret in Decision Making Under Uncertainty // Operations Research, 1982, v.30, p.961–981.
- Bell D.E.** Risk Premium for Decision Regret // Management Science, no.29 (1093), p.1156–1166.
- Bjoridal E.N.** Risk from a Safety Executive Viewpoint. In: W.T.Singleton and J.Hoven (eds.). Risk and Decisions. Chichester, 1987, p.41–45.
- Bondi H.** Risk in Perspective. In: M.G.Cooper (ed.). Risk: Man-made Hazards to Man. Oxford, 1985, p.8–17.
- Bonß W.** Unsicherheit und Gesellschaft – Argumente für eine soziologische Risikoforschung. Ms., Nov., 1990.
- Botero G.** Della Ragion di Stato. Bologna, 1930 [1589].
- Brown G.S.** Laws of Form. New York, 1979.
- Brown M.S.** Disputed Knowledge: Worker Access to Hazard Information. In: D.Nelkin (ed.). The Language of Risk: Conflicting Perspectives on Occupational Health. Beverly Hills (CA), 1985, p.67–95.
- Carraher T.N., Carraher D.W., Schliemann A.D.** Mathematics in the Streets and in Schools // British Journal of Developmental Psychology, 1985, p.21–29.
- Carraher T.N., Schliemann A.D., Carraher D.W.** Mathematical Concepts in Everyday Life. In: G.B.Saxe and M.Gearhart (eds.). Children's Mathematics. San Francisco, 1988, p.71–87.
- Cashdan E. (ed.).** Risk and Uncertainty in Tribal Societies. Boulder (CO), 1990.
- Clarke L.** Explaining Choices Among Technological Risks // Social Problems, 1988, v.35, p.22–35.
- Covello V.T. and Mumpower J.** Risk Analysis and Risk Management: A Historical Perspective // Risk Analysis, 1985, v.5, p.103–120.
- Dillon J.L. and Scandizzo P.L.** Risk Attitudes of Subsistence Farmers in Northeast Brazil: A Sampling Approach // American Journal of Agricultural Economics, 1978, v.60, p.425–435.
- Donati C.** L'idea di Nobilia in Italia: Secoli XIV-XVIII. Roma, 1988.
- Douglas M.** Risk Acceptability According to Social Sciences. London, 1985.
- Douglas M. and Wildavsky A.** Risk and Culture: An Essay on Selection of Technological and Environmental Dangers. Berkley (CA), 1982.
- Esposito E.** Rischio e Osservazione. Ms., 1990.
- Fischhoff B., Watson S.R., Hope C.** Defining Risk // Policy Sciences, 1984, v.17, p.123–139.
- Giddens A.** The Consequences of Modernity. Stanford (CA), 1990.
- Gratt L.B.** Risk Analysis or Risk Assessment: A Proposal for Consistent Definitions. In: V.T.Covello et al. (eds.). Uncertainty in Risk Assessment, Risk Management, and Decision Making. New York, 1987, p.241–249.
- Harrison R.J. and March J.G.** Decision Making and Postdecision Surprises // Administrative Science Quarterly, 1984, v.29, p.26–42.

- Hartwig S. (Hg.)**. Grosse technische Gefahrenpotentiale: Risikoanalysen und Sicherheitsfragen. Berlin, 1983.
- Heider F.** The Psychology of Interpersonal Relations. New York, 1958.
- Japp K.P.** Soziologische Risikoforschung. Ms., 1990.
- Johnson A.** Security and Risk-Taking among Poor Peasants: A Brazilian Case. In: G.Dalton (ed.). Studies in Economic Anthropology. Washington, 1971, p.143-150.
- Johnson B.B. and Covello V.T. (eds.)**. The Social and Cultural Construction of Risk: Essays on Risk Selection and Perception. Dordrecht, 1987.
- Jungermann H. und Slovic P.** Die Psychologie der Kognition und die Evaluation von Risiko. In: G.Bechmann (Hg.). Risiko und Gesellschaft. Opladen, 1990.
- Kates R.W. and Kasperson J.X.** Comparative Risk Analysis of Technological Hazards // Proceedings of the National Academy of Science, 1983, v.80, p.7027-7038.
- Kaufmann F.-X.** Methodenlehre der Sozialwissenschaften. Wien, 1936.
- Kaufmann F.-X.** Sicherheit als soziologisches und sozialpolitisches Problem: Untersuchungen zu einer Wertidee hochdifferenzierter Gesellschaften. Stuttgart, 1970.
- Knight F.** Risk, Uncertainty and Profit. Boston, 1921.
- Kugler H.** Phaetons Sturz in die Neuzeit: Ein Versuch über das Risikobewusstsein. In: T.Cramer (Hg.). Wege in die Neuzeit. München, 1988, S.122-141.
- Kunreuther H.** Limited Knowledge and Insurance Protection // Public Policy, 1976, v.24, p.227-261.
- Kuske B.** Die Begriffe Angst und Abenteuer in der deutschen Wirtschaft des Mittelalters // Zeitschrift für handelswissenschaftliche Forschung. N.F. 1949, Bd.1, S.547-550.
- Lando O.** Confutatione del libro de aradossi nuovamente composta, in tre orationi distinta. S.L., S.A.
- Lando O.** Paradossi, cioe sententie fuori del commun parere. Vinecia, 1545.
- Lau C.** Risikodiskurse: Gesellschaftliche Auseinandersetzungen um die Definition des Risikos // Soziale Welt, 1989, Bd.40, S.418-436.
- Lave J.** Cognition in Practice: Mind, Mathematics and Culture in Everyday Life. Cambridge, 1988.
- Lave J.** The Values of Quatification. In: J.Law (ed.). Power, Action and Belief: A New Sociology of Knowledge? London, 1986, S.88-111.
- Lopez L.L.** Between Hope and Fear: The Psychology of Risk // Advances in Experimental Social Psychology, 1987, v.20, p.255-295.
- Lorange P. and Norman V.D.** Risk Preference in Scandinavian Shipping // Applied Economics, 1973, v.5, p.49-59.
- Luhmann N.** Die Wissenschaft der Gesellschaft. Frankfurt a.M., 1990.
- Luhmann N.** Erkenntnis als Konstruktion. Bern, 1988.
- Luhmann N.** Gleichzeitigkeit und Synchronisation. In: Luhmann N. Soziologische Aufklärung, Bd.5. Konstruktivistische Perspektiven. Opladen, 1990, S.95-130.
- Luhmann N.** Soziale Systeme: Grundriß einer allgemeinen Theorie. Frankfurt a.M., 1984.
- Lyons J.** Semantics. Vol.1. Cambridge, 1977, p.305-311.
- MacCrimmon C.R. and Wehrung D.A.** Taking Risks: The Management of Uncertainty. New York, 1986.

- Mahl H.-J. und Samuel R.** Werke, Tagebücher und Briefe Friedrich von Hardenbergs. Bd.2. Darmstadt, 1978.
- March J.G. and Shapira Z.** Managerial Perspectives on Risk and Risk Taking // Management Science, 1987, v.33, p.1404–1413.
- Maschke E.** Das Berufsbewusstsein des mittelalterlichen Fernkaufmanns. In: C.Haase (Hg.). Die Stadt des Mittelalters. Bd.3. Darmstadt, 1973, S.177–216.
- Mayer H.** Zurechnung. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Bd. VIII. 4-te Aufl. Jena, 1928, S.1206–1228.
- Maximes de Cardinal de Richelieu.** Paris, 1944.
- Nehlsen-von Stryk K.** Kalkul und Hazard in der spätmittelalterlichen Seeversicherungspraxis // Rechtshistorisches Journal, 1989, Bd.8, S.195–208.
- Nelkin D. (ed.).** The Language of Risk: Conflicting Perspectives on Occupational Health. Beverly Hills (CA), 1985.
- Okrent D.** Comment on Societal Risk // Science, 1980, no.208, p.372-375.
- Oppenheim A.L.** The Seafaring Merchants of Ur // Journal of the American Oriental Society, 1954, v.74, p.6–17.
- The Oxford English Dictionary,** 2nd ed. Oxford, 1989.
- Renn O.** Risk Analysis: Scope and Limitations. In: H.Otway and M.Peltu (eds.). Regulating Industrial Risks: Science, Hazards and Public Protection. London, 1985, p.111–127.
- Rescher N.** Risk: A Philosophical Introduction to the Theory of Risk Evaluation and Management. Washington, 1983.
- Romei A.** Discorsi. Ferrara, 1586.
- Roumasset J. et al. (eds.).** Risk, Uncertainty, and Agricultural Economics. New York, 1979.
- Roumasset J.** Rice and Risk: Decision-Making among Low-Income Farmers. Amsterdam, 1976.
- Schaube A.** Die wahre Beschaffenheit der Versicherung in der Entstehungszeit des Versicherungswesens // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, 1893, Bd.60, S.40–58, 473–509.
- Schulz H. und Basler O. (Hg.).** Das Deutsche Fremdwörterbuch. Bd.3. Berlin, 1988.
- Spencer Brown G.** Laws of Form. London, 1969.
- Starr C.** Social Benefits versus Technological Risk // Science, 1969, no.165, p.1232-1238.
- Vernant J.-P. et al.** Divination et Rationalité. Paris, 1974.
- Viscusi W.K. and Magat W.A.** Learning About Risk: Consumer and Worker Responses to Hazard Information. Cambridge (MA), 1987.
- Whipple C.** Opportunities for the Social Sciences in Risk Analysis: An Engineer's Viewpoint. In: V.T.Covello et al. (eds.). Environmental Impact Assessment, Technology Assessment, and Risk Analysis: Contributions from the Psychological and Decision Sciences. Berlin, 1985, p.91–103.
- Wildavsky A.** Searching for Safety. New Brunswick, 1988.
- Winkler E.** Securite. Berlin, 1939.
- Winograd T. and Flores F.** Understanding Computers and Cognition: A New Foundation for Design. Reading (MA), 1987.